

Цзи Цзяньчэнь повернулся, чтобы взглянуть на Гу Шаобая, который лежал неподвижно, почти бездыханный, с едва заметным движением груди, словно мертвый. Его охватила тревога, и он схватил Сыту Хая за бороду.

— Не важно, что за цветок, давай быстрее!

Гу Шаобай очнулся через три дня.

Он открыл глаза, но перед ним была лишь тьма, такая густая, что невозможно было различить даже собственную руку.

Он пошевелил пальцами, убедившись, что это не сон. Ночью ли это? Где он? Почему так темно?

Внутри него поднялась паника, он тихо позвал:

— Цзяньчэнь, ты здесь?

Вскоре его ладонь обхватила длинная рука.

— Я здесь, я здесь, ты наконец проснулся...

— Цзяньчэнь, ты плачешь? — Гу Шаобай слабо спросил.

Цзи Цзяньчэнь вытер слезы и с упреком сказал:

— Только проснулся, уже ищешь, кого бы ударить. Кто плачет? Не обвиняй меня.

— Ага, — Гу Шаобай кивнул. — Почему ты не зажег свет? Я не вижу тебя, поэтому подумал... — Он замолчал, неуверенно спросил. — Ты зажег свет... или это мои глаза больше не видят, да?

Хотя он не видел, его глаза блестели необычайно ярко, словно поглощая весь свет свечей в комнате. Три части растерянности, семь частей страха — Цзи Цзяньчэнь снова хотел заплакать.

Но плакать было не в его стиле. Он крепко сжал руку Гу Шаобая и с напускной легкостью спросил:

— Маленький господин Гу, ты боишься ослепнуть?

Гу Шаобай замер. Боится ли он? Человек, который уже пережил смерть, разве будет бояться слепоты?

Без того человека, это всего лишь существование, разве он боится слепоты?

На его бледном лице появилась улыбка, которая разбивала сердце.

— Я боюсь не слепоты, а того, что даже не смогу заплатить за лечение и буду обузой для тебя. Разве это не будет для тебя убытком?

Цзи Цзяньчэнь вдруг наклонился к его уху и прошептал:

— Тогда отдайся мне в счет долга. Я не против, что ты слепой, сойдет и так!

Гу Шаобай покраснел от гнева и стыда, оттолкнул его руку и не мог вымолвить ни слова,

уоставившись в его направление своими потерявшими фокус глазами.

Неизвестно почему, хотя он знал, что Гу Шаобай не видит, Цзи Цзяньчэнь почувствовал себя виноватым. Он рассмеялся и откинул прядь волос с его лба.

— Это просто шутка, зачем так серьезно?

— Я заключил убыточную сделку, разве мне нельзя хоть немного пошутить?

Гу Шаобай тоже понял, что слишком бурно отреагировал. Он знал, что Цзи Цзяньчэнь был ветреным человеком, часто шутил подобным образом, но почему сегодня он так воспринял это?

Он смущенно протянул руку, чтобы утешить Цзи Цзяньчэня, и тот сразу же схватил ее, похлопал по тыльной стороне.

— Ладно, я знаю, что ты скромный. Больше не буду так шутить... Ты принял противоядие слишком поздно. Хотя большая часть яда нейтрализована, но часть токсинов попала в глаза. Сыту Хай, этот старый хрыч, сказал, что максимум через год, минимум через полгода они выйдут сами.

Дни без света стали казаться бесконечными. Закрываешь глаза — тьма, открываешь — тоже тьма. Как дни без Му Цинфэна — сплошная тьма!

Вскоре наступил Новый год. Гу Шаобай не мог вернуться домой, хотел написать письмо, но не мог! Он попросил Цзи Цзяньчэня передать устное сообщение домой, сказав, что он путешествует с другом и встретил мастера игры на цине, чье искусство превосходит все известное, и он стал его учеником. Через два-три года вернется.

Через несколько дней человек вернулся. Он принес письмо от Гу Цзюньсюаня, в котором говорилось, что дома все хорошо, и чтобы он заботился о себе в пути, а также приложил несколько банкнот.

Человек, принесший письмо, прочитал его и ушел.

Гу Шаобай сидел на склоне горы, держа письмо в руках, слезы текли по его лицу. Горный ветер дул ему в лицо, и слезы быстро высыхали.

Вдруг кто-то слегка потянул за его штанину, он вздрогнул, услышав знакомое, нечеловеческое тяжелое дыхание. Сердце его забилось радостно, он протянул руку к ногам, ощупывая и зовя:

— Хун Гоэр...

И действительно, в ответ раздался тихий лай собаки.

— Ну как, рад? — Цзи Цзяньчэнь улыбнулся рядом.

«Хун Гоэр» была той самой черной собакой, которую Лэн Дун взял с собой, когда они исследовали Черный пляж. Когда Лэн Дун привел ее, евнух, отвечающий за собак, с отвращением сказал, что ее не нужно возвращать.

Гу Шаобай, видя, что ей некуда идти, взял ее к себе, но не осмелился привести домой, поэтому оставил ее во дворе Му Люняня и, несмотря на все возражения, дал ей имя «Хун Гоэр».

— Спасибо тебе, — Гу Шаобай погладил спину «Хун Гоэр». Му Люнянь и Фан Цинчи были в шоке от имени, которое он дал этой уродливой и злой черной собаке. Только он сам знал, что это имя было связано с той ярко-красной палочкой сахарного тростника. Каждый раз, когда он звал ее, он вспоминал те пять слов и того человека!

«Господин, должен знать мое сердце». Я знаю твое сердце, так что ты? Знаешь ли ты мое?

— Сяо Фан просил передать тебе, что Му Люнянь полностью выздоровел, и они с Му Люнянем собираются уехать.

— Куда? — спросил Гу Шаобай.

Цзи Цзяньчэнь снял свою накидку с меховой отделкой и накинул ее на плечи Гу Шаобая, затем надел на него капюшон.

— Не знаем, еще не решили. Сказали, что уедут весной, — он повел его вниз по склону. — Ты же знаешь, хотя Ван Сыдао был главным зачинщиком, отец Сяо Фана тоже виновен, а Му Люнянь — беглец. Они не могут оставаться в столице долго...

— Я знаю, — осторожно спускался по ступеням Гу Шаобай. — Я просил второго брата устроить Чуншэна. Как там дела?

— А, Сяо Фан тоже сказал, что после пятнадцатого числа твой брат поедет в Чжанчэн и возьмет Чуншэна с собой, чтобы сделать его учеником главного управляющего. С его умом у него будет хорошая жизнь, не переживай!

Гу Шаобай замолчал, молча следуя за ним.

Цзи Цзяньчэнь повернулся, чтобы посмотреть на него. Большая часть его лица была скрыта в тени капюшона, подбородок утопал в меху, виднелись только бледно-розовые, почти белые губы, плотно сжатые. Было ясно, что он думает о том, что его мучает.

Он знал, что Гу Шаобай больше всего хотел узнать, как поживает тот человек, что он делает? Гу Шаобай не спрашивал, не потому что его сердце остыло, а потому что боялся спросить!

Для «Башни Черных Одежд» узнать пару новостей было проще простого.

Тот человек был в плохом состоянии. С тех пор, как Гу Шаобай уехал, Му Цинфэн пролежал в постели больше месяца, а когда вернулся ко двору, подал прошение о возвращении в свои владения.

Император отклонил прошение, сказав, что он должен сначала восстановить здоровье, а обсудить это можно будет после Нового года.

Один за другим фейерверки взрывались в ночном небе, раскрываясь, как огненные деревья и серебряные цветы, оставляя за собой длинные сверкающие хвосты.

Красные и зеленые искры мелькали на лице Му Цинфэна, то освещая его глаза, то снова погружая их в тьму.

Он сидел на веранде под крышей, прислонившись к холодной и твердой колонне, рука лежала на согнутом колене, он смотрел на яркое ночное небо. Какой бы прекрасной ни была картина, в его глазах она превращалась в пустоту и безнадежность!

Чжоу Пин молча убрал пустую бутылку у его ног, затем вернулся в дом и принес плащ.

— Князь...

Му Цинфэн был как ледяная статуя, не двигаясь, пока Чжоу Пин, вздохнув, не собрался уходить. Тогда он услышал его хриплый голос, словно говорящий сам с собой.

— Пин Шу, я не виню его. Император заставил его, он не виноват...

Чжоу Пин увидел, как что-то блестящее на мгновение мелькнуло на его лице.

— Мне просто больно...

Чжоу Пин молча стоял, не зная, что сказать, чтобы утешить его.

Он навсегда запомнил тот день, когда Му Цинфэн вернулся с аудиенции и увидел письмо. Он словно обезумел, сам побежал в дом Гу и в переулок Лючжи, пока не убедился, что Гу Шаобай действительно уехал с Цзи Цзяньчэнем. Тогда он, потерянный, вернулся домой, вошел в спальню, выплюнул кровь и упал без сознания, пролежав три дня и три ночи, что даже император лично приехал проведать его.

Му Цинфэн запрокинул голову, выпивая. Половина вина попала в рот, половина пролилась на одежду. Он закашлялся и засмеялся.

— Какая ночь, чтобы встретить такого человека... Кхе-кхе... Какое великолепное «встретить такого человека»...

Тысячи огней, но только одиночество! Вспоминая тебя, твоя душа преследует меня!

Пространство было как свиток, с одной стороны — горе, с другой — не лучше!

Гу Шаобай поел пельменей, выпил много вина и задремал еще до полуночи.

Цзи Цзяньчэнь накрыл его одеялом и стоял у кровати, задумчиво глядя на него.

<http://bllate.org/book/16730/1539033>